

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ЖИЗНЬ ДЛЯ ИСКУССТВА

Три десятилетия Федор Сергеевич Иванов отдал служению профессиональному искусству и развитию художественной самодеятельности. И не будет преувеличением сказать, что однажды присвоенное звание обязало Федора Сергеевича на всю жизнь, что все тридцать лет труд для него содержал в себе смысл общественной деятельности. Среди многих художественных судеб богатой и щедрой талантами Бурятии выделяется пример Ф. С. Иванова — жизнь, наполненная горением и целеустремленностью.

Двадцатилетним юношей он в 1936 году, с отличным закончив техникум, начал самостоятельный творческий путь. Его приняли в труппу Бурятского драматического театра. Одновременно с ним в коллектив приходят молодые режиссеры Г. Цыдынжалов и М. Шамбуева, только что окончившие ГИТИС. Спектакли тех лет, исполненные бескорыстными и самоотверженными в своей любви к искусству энтузиастами, еще живы в памяти современников. В атмосфере дружной и горячей работы, переживая сложную художественную эволюцию, театр после первых робких шагов обретал свое лицо. Какие только роли не играл молодой артист в течение трех лет, которые он проработал в драме! Это Цыремпил — простой бурятский парень, из улусного «бунтаря» — растающий в сознательного борца за народное счастье, во «Внуке Аянды» М. Эделя и втянутый в злодейскую интригу доверчивый Родриго в «Отелло» В. Шекспира, честный и прямой Болот — председатель колхоза в «Мэргэне» А. Шадаева и трагичный слуга Фабрицио в по-итальянски темпераментном спектакле «Хозяйка гостиницы» по К. Гольдони, юноша Сэнгэ Вазаров — партизан, защищающий революцию, и многие другие.

Ф. С. Иванов был тогда одним из ведущих актеров театра. Но, когда в 1939 году создавшейся балетной труппе потребовалось подкрепление, он переходит в неё. «Трудно сказать, — говорит сегодня Федор Сергеевич, — что именно побудило меня сделать такой шаг... То ли юношеская жажда к новому, неизвестному или острое стремление испытывать себя в ином качестве, в таком специфическом искусстве, как балет».

Итак, рубикон был перейден. Искусству танцовщика его обучает М. С. Арсеньев — один из первых балетмейстеров нашей республики, воспитавший целую плеяду превосходных исполнителей. С тех пор с музыкальным театром Улан-Удэ у Федора Сергеевича были связаны важнейшие этапы его творческого пути, наиболее значительные актерские и постановочные достижения, неуслонный рост и совершенствование.

В 1940 году в Москве состоялась первая декада бурятского искусства и литературы.

У молодых актеров хореографического театра, естественно, не сразу все получилось. Еще ни один из танцев нельзя было схарактеризовать, как пушкинский «душой исполненный полет». Еще не все последние этапы в овладении классическим и характерным танцами были пройдены как каждым артистом в отдельности, так и национальной школой вообще. Но было понятно, что непринужденность, блистатель-

ность, вершины и расцвет — впереди, недолго ждать. Танцы, еще не претендовавшие на классичность, совсем простые — пляски красочно раскрыли самобытность культуры, широту мысли, глубину фантазии бурятского народа. С неудержимостью молодого порыва, подкрепленные энергией, живо были исполнены они нашими первыми артистами балета Т. Е. Гергесовой, А. Б. Тогоновой, С. Д. Очировым, С. Б. Доржиевым, Ф. С. Ивановым.

Актер-художник отличается от актера-ремесленника прежде всего наличием у него центральной темы, своеобразием творческого почерка. Этим он дорог, поэтому незаменим. Ф. С. Иванов постепенно становится таким актером-творцом. Ему довелось испытывать себя почти во всем классическом репертуаре: в «Бахчисарайском фонтане» (Гирей и Нурали), «Тщетной предосторожности» (жених), «Лебедем озере» (вольшебник Ротбарт), в «Лауренсии» (Командор), «Корсаре» (Конрад)...

Это у Ф. С. Иванова шло еще от его практики в драме — с самых первых шагов в балете он не мыслил существования на сцене вне конкретных черт эпохи, национальности, каждую партию он ощущал как роль, как образ, связанный с определенными жизненными наблюдениями и примерами. Умение создавать реалистические, полнокровные образы помогало ему быть органичным во всех партиях игрового и характерного плана. Однако хорошо он чувствует себя в резко противоположных партиях, с увлеченностью передает в танце и неистовую дикую страсть Гирея, и комичность неудачливого жениха, глуповатого Никеза, и величующие, искренность чувства байроновского образа — предводителя морских разбойников Конрада, и мрачное коварство злого гения Ротбарта.

Расцвет и традиции балетного искусства связаны в истории с эпохой романтизма. Танец был приобщен к ее возвышенным представлениям о человеке. Это сознавал Ф. С. Иванов в полной мере, и в героих старых балетов мужественным, патетическим характером танца он подчеркивал достоинство, благородство, смелость.

Критика и зрители отмечали в Ф. С. Иванове особый дар актера-мимиста. В книге «Артисты бурятского балета» балетмейстер И. Хабаева, подробно анализируя пластику и мимическую игру артиста в образах Нурали, Гирея и Квазимодо из «Эсмеральды», отмечает, что исполнение было ясным и понятным, как человеческая речь. В самом деле, нельзя забыть сцен, в которых Нурали-Иванов, предводитель стаи хищников, как дикий зверь, выскакивает навстречу польским воинам, как легко из горячих поединков он выходит победителем, а когда пораженный красотой плененной Марии впервые склоняет голову перед женщиной Гирей, востроженный Нурали-Иванов пытается постичь суть происходящего и в последующем — отвлекая хана от тяжких дум в сцене казни Заремы...

Сильный и ловкий Нурали полностью раскрывается в пляске воинов — танце диких угроз, воинственных призывов, неистового рабобления. Стремительными прыжками он проносится по сце-

Ф. С. Иванов.

не, камнем падает на землю, извиваясь змеей, будто скулит по собакам, подползает к Гирею и умоляюще заглядывает ему в глаза.

И хотя ужасное изуродованное лицо Квазимодо, известный всем нам грим — достаточно ясный комментарий, трагический образ, созданный артистом: сгорбленную спину, выразительно сжавшуюся в страдании фигуру — тоже невозможно забыть.

О большом мастерстве Ф. С. Иванова свидетельствовали и роли, исполненные им в 50-е годы: командор Фернан Гомес в «Лауренсии», старший сват в «Шурале», в национальных балетах — «Во имя любви» (военачальник Долло), «Красавица Ангара» (Байкал) и т. д.

Помимо артистической деятельности, несмотря на беспокойную гастрольную жизнь на колесах, Федор Сергеевич плодотворно занимается в художественной самодеятельности. Трудовой стаж в этой области у него насчитывает больше 30 лет. Лучшие хореографические коллективы самодеятельности выросли под его руководством; в 1935 году в Москве на конкурсе национальных танцев первое место занял клуб речников Улан-Удэ, в 1955 году на конкурсе художественной самодеятельности, тоже в Москве, юноши и девушки из Закаменского аймака завоевали первое место и были награждены премией. Танцевальный кружок Бурятского зоветинститута неоднократно становился победителем зональных и всесоюзных смотров.

Широкому кругу зрителей известны самостоятельные постановочные работы Федора Сергеевича в балете — танцы в спектакле «Свет над долиной»; большой ёхор и танец борцов, заслужившие высокую оценку. В кинофильме «Песня табунщика» в финале отлично смотрится массовый ёхор, создающий атмосферу приподнятости, праздничности.

Директор Дома пионеров Октябрьского района Е. И. Балканова рассказывает о том, как Федор Сергеевич, уйдя уже на пенсию, стал работать со школьниками.

В 1943 году Ф. С. Иванову было присвоено высокое звание заслуженного артиста Бурятской АССР. Советское правительство наградило его орденами Ленина и «Знак почета».

За плечами столетия жизни. Но у Федора Сергеевича по-юношески светятся глаза и молодостью пронизана вся его подвижническая деятельность.

А. ПОЛИТОВ,
театральный критик.